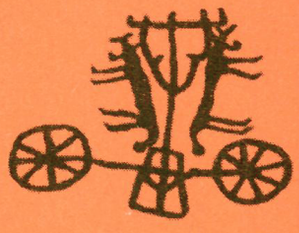
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ



№ 169

РОССИЙСКАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
2005
обязательный
экземпляр

О.Д. ФАИС

ОБЫЧНОЕ ПРАВО В СОВРЕМЕННОЙ САРДИНИИ

(по материалам экспедиции)

Москва
2004

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ

№ 169

О.Д. ФАИС

ОБЫЧНОЕ ПРАВО В СОВРЕМЕННОЙ САРДИНИИ

(по материалам экспедиции)

Москва
2004

ISBN 5-201-13758-x (30)

© Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии»
Института этнологии и антропологии РАН. Документ N 169.

Редакционная группа:
В.А.Тишков (отв.ред.)
Н.А.Лопуленко
М.Ю.Мартынова

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы обязательна

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
119334, Москва, Ленинский проспект, д.32а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12
E-mail: INFO@IEA.RAS.RU
fax: (7-095) 938-06-00

Документ № 169

О.Д. ФАИС

ОБЫЧНОЕ ПРАВО В СОВРЕМЕННОЙ САРДИНИИ
(по материалам экспедиции)

Работа проводилась
при финансовой поддержке
университета Кальяри (Сардиния)

Издание осуществлено в рамках
Программы фундаментальных исследований
Президиума РАН
«Этнокультурное взаимодействие в Евразии»

Об авторе

ФАИС Оксана Давидовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Европы Института этнологии и антропологии РАН, специалист по этногенезу, энической истории и традиционной культуре населения Италии, автор более 60 публикаций, в том числе монографий. В последние годы исследует проблемы миграций, как в европейском регионе, так и за его пределами, а также проблемы правововго плюрализма.

About the Author

FAIS, OKSANA D..

- HhD in History, Senior Researcher at the Europe Department of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. She is a specialist in ethnogenesis, ethnic history and traditional culture of Italian population. In the last years she also realized researches in the field of migration problems, either in Europe, or in other regions, as well as in the sphere of law pluralism, She published over 60 publications, including several monographs.

Summary

FAIS O.D. COMMON LAW IN THE MODERN SARDINIA.

The report is based on the results of the field research realised in Sardinia in 2001-2003. The research project aimed at analising the modern state of the local juridical culture in the context of its interpretation by the local population; in particular the degree of actual social relevance of the traditional common law norms and especially of the blood-feud was analised.

Настоящее исследование* проводилось в центральной горной области острова Сардиния – Барбадже и ставило своей целью анализ современного состояния локальной правовой культуры в Сардинии в контексте его оценки жителями острова, и, в частности, выяснение степени их приверженности традиционным правовым нормам, восходящим к обычному праву, в первую очередь – кровной мести. Инициатором и вдохновителем данного проекта выступала кафедра этнологии университета г. Кальяри, непосредственное его осуществление было возложено на исследователей из Этнографического музея Аритцо (населенного пункта, расположенного в Барбадже), возглавляемого доктором Армандо Мажиа, и автора, любезно приглашенного сардинской стороной принять в нем участие.

Не случайно, что всплеск интереса к проблемам традиционной правовой культуры, ее состоянию на сегодняшний день возник именно в Сардинии. Эта область Италии, представляющая собой один из европейских регионов со специфической архаичной культурой, сохранившейся в своей целостности вплоть до 60-х гг. XX в., согласно официальной статистике, традиционно относится к числу наиболее «неспокойных» с точки зрения уровня криминальности регионов. Причем большинство совершаемых правонарушений, в отличие от других областей Италии, принадлежит к числу «традиционных», то есть в той или иной степени связано с локальной правовой культурой[1]. Высокая степень сохранности норм обычного права обусловлена целым рядом причин исторического, политического, психологического плана, в силу действия которых традиционное сардинское общество, абсолютное большинство которого принадлежало (и продолжает принадлежать) к сельской среде, существовало в состоянии изоляции от окружающего мира. Это состояние усугублялось еще и тем, что исторически «пребывание» Сардинии в составе больших государственных объединений (с XIV в. – Испании, с 1720 г. – Сардинского королевства, ядром которого был Пьемонт, а с 1861 г. – объединенной Италии) было для большинства населения достаточно формальным, а «этническое бытие» населения острова, по словам сардинского исследователя Джованни Лиллиу, «развивалось параллельно бытию остального мира, в том числе и той или иной "империи", в которую Сардиния входила, практически не сталкиваясь и мало пересекаясь с ним»[2].

Не был произвольным и выбор области Барбаджи в качестве конкретного объекта исследования. Дело в том, что именно в Барбадже, представляющей собой в историческом плане своеобразный замкнутый, «сосредоточенный на себе» культурный анклав, оплот пастушества, и являющейся наиболее архаичной в культурном отношении областью Сардинии, возник и оформился пресловутый «Кодекс вендетты» – свод норм обычного права, бывший в течение веков альфой и омегой правового поведения для населения всего острова (не случайно в полном виде он именуется «Кодексом барбаричинской вендетты»)[3]. Именно в Барбадже традиционная правовая культура, по сравнению с другими регионами острова, получила максимальное развитие и сохранила во времени достаточную целостность, что было обусловлено общей консервативностью этой области. Это не в последнюю очередь объяснялось тем, что на протяжении всей истории острова, изобилующей иноэтничными завоеваниями, Барбаджа играла роль, если следовать терминологии исследователя Дж. Лиллиу[4], своего рода «сардинской сопротивленческой константы», стимулирующей и возглавляющей противостояние всем инородным культурным воздействиям и влияниям. Именно в Барбадже были зафиксированы наиболее яростные столкновения на правовой почве местного населения с представителями государственной власти и именно эта область Сардинии традиционно расценивалась представителями официального правопорядка, начиная едва ли не со времен испанского владычества над Сардинией (т.е. с XIV–XV вв.), как оплот «бандитизма» («бан-

* Данная работа основана на результатах полевого исследования, проводившегося в Сардинии в 2001–2003 гг. в рамках многолетнего комплексного цикла научных проектов, посвященных анализу современного состояния разных граней традиционной сардинской культуры, которые начиная с 2000 г. осуществляют различные научные организации острова под эгидой Университета «Са Дукесса» г. Кальяри.

дитами» власти именовали непокорных пастухов, восставших против иноземного господства). Наконец, именно в Барбадже нормы обычного права сохранили свою актуальность и практическое воплощение вплоть до наших дней, о чем свидетельствуют статистические данные итальянских правоохранительных органов[5].

Исследование охватывало население десяти деревень, расположенных в двух внутренних зонах Барбаджи, а именно – в Барбадже Мандролизаи и Барбадже Белви; а также Оргозоло – деревни, находящейся за пределами этого ареала исследования, но вызывающей тем не менее пристальный интерес, обусловленный тем, что в Оргозоло, представляющей в Сардинии символ своего рода правовой непокорности и самобытности и являющейся и в наше время оплотом пастушества, вплоть до сегодняшнего дня наблюдалось особо ревностное соблюдение норм обычного права и фиксировались наиболее яркие и последовательные формы их реализации.

Исследование осуществлялось путем анкетирования, а также методом опросов и включенного наблюдения. Первоначально ставка делалась исключительно на анкетирование. Опросный лист, составленный исследователями кафедры этнологии Кальяританского университета и сотрудниками музея в Аритцо, включал в себя 64 вопроса (см. Приложение), касающихся понятий «обиды», «оскорбления», «нанесенного вреда», отношения респондентов к вышеупомянутому «Кодексу барбаричинской вендетты», частоты вступления в конфликты, взаимоотношений с односельчанами, достоверного знания итальянских законов и местных правовых норм, актуальности для информаторов «кровной мести», допустимости, возможности или необходимости контакта с официальными силами правопорядка и т.д. Список вопросов, входящих в анкету, не был произвольным, ранее анкета уже проходила апробацию в ходе локальных мини-опросов по проблемам права.

Но несмотря на то, что формально опросные листы использовались, в ходе работы с первыми информаторами стало очевидным несовершенство только лишь анкетирования ввиду бытовавшего в Барбадже традиционно негативного отношения населения к власти, официальному правосудию и не менее традиционного умалчивания всего того, что имело отношение к обычному праву, бывшему для барбаричинов еще недавно абсолютным практическим руководством в повседневной жизни и находившемуся в противоречии с официальными юридическими нормами. Опросные листы оказались слишком «тесными» для полноценного освещения интересующей исследователей проблемы, в силу чего анкетирование не позволяло добыть исчерпывающую и полноценную информацию, а респондентам – в полной мере довериться исследователям и раскрыться.

В этой связи необходимо сделать небольшое отступление. Успешное осуществление всего полевого исследования в Барбадже в целом вообще оказалось возможным лишь благодаря тому, что все исследователи-сардинцы были местными уроженцами, а в жилах российского исполнителя проекта также течет сардинская, и что важнее, барбаричинская кровь. В противном случае население этих горных районов просто отказалось бы разговаривать на такие традиционно-запретные темы, как локальные правовые нормы.

Возвращаясь к сугубо рабочим моментам исследования, необходимо отметить, что методы получения информации пришлось пересмотреть буквально после первых же проведенных опросов. Тот факт, что анкета представляла собой некий печатный лист, в контексте векового неприятия в Сардинии в целом, а в Барбадже – в особенности, всего того, что исходило от официальных властей и было связано с настороженным отношением к любого рода документу, интерпретируемому как «государственная бумага», весьма скоро сделало приоритетным метод беседы, а анкетирование отодвинуло на второй план, хотя опросные листы и позволяли направлять беседу по определенному руслу и придерживаться определенной схемы в разговоре.

В процессе исследования было опрошено свыше 1000 человек, что составляло примерно 10 % всего населения зоны исследования. Опросы проводились в основном среди респондентов-мужчин, поскольку традиционно правовая сфера считалась сугубо мужским делом («fare zusticia est cosa ‘e homine» – «вершить правосудие – дело мужское»), исключающим

участие женщин (хотя практика сплошь и рядом опровергала подобное утверждение), но одновременно исследователи привлекали к беседам и женщин. Исследованием были охвачены представители различных возрастных уровней (молодежь, лица среднего возраста, пожилые люди), принадлежащих к пяти группам, отражающим характерную современную социально-профессиональную структуру деревенских коллективов Барбаджи: пастухи; крестьяне; сельскохозяйственные рабочие, владельцы магазинов, лавочники или лица, связанные с коммерцией; служащие – учителя, врачи, сотрудники мэрии и т.д. (Исключение составляет Оргозоло, где подавляющее большинство мужского населения и сегодня относится к пастушеству, а представители других профессий все равно исповедуют преимущественно «пастушеские взгляды»). Исследователи сознательно шли на нарушении пропорциональной квоты и опрашивали полностью всю группу пастухов, тогда как в отношении других групп населения делалась выборка.

Занимая подобную позицию, рабочая группа исходила из того, что вышеприведенная социальная структура сельских коллективов в Барбадже является относительно недавней – она сложилась 40–50 лет назад – и что изначально, до проведения радикальных модернизационных преобразований в Сардинии, далеко не все группы населения занимали равное положение в барбаричинском обществе, в котором и численно, и экономически, и культурно-психологически доминировало пастушество, определяя общий «профиль» горных деревенских коллективов. Не была исключением и традиционная правовая сфера: именно пастушество исторически играло роль основного «законотворца» и «вершителя правосудия», как в своей среде, так и для других групп населения. Достаточно сказать, что «Кодекс барбаричинской вендетты» – свод норм обычного права – также часто именуется «Кодексом пастушеского права», поскольку он исторически возник в недрах пастушеского общества и отвечал именно его потребностям и структуре. Хотя в наши дни численность пастухов в Барбадже неуклонно сокращается (в 50-е гг. XX в. пастухи составляли от 60 % до 80 % населения, в 70-е гг. этот показатель сократился до 45 %, а в конце 80-х гг. их число не превышало 10–15 %)[6], что вызывает также сужение сфер их влияния, по традиции именно они являются главными «генераторами» и хранителями норм обычного права, а по мнению местного населения, – и главными экспертами в вопросах народного права. Именно поэтому опросу пастухов в ходе работы придавалось большое значение, поскольку полученная информация могла позволить проследить эволюцию норм обычного права и его современное состояние.

Дополнительный свет на итоги исследования проливает краткая характеристика традиционного мира Барбаджи, «Кодекса барбаричинской вендетты» и – шире – традиционных этико-правовых приоритетов, исторически существовавших в Барбадже, а также история взаимоотношений сардинцев и, в частности, барбаричинов с официальной властью.

Как уже говорилось, Барбаджа исторически представляет собой наиболее обособленную и замкнутую в географическом, экономическом и культурном отношении область Сардинии. Поскольку даже в конце 50-х гг. XX в. для большинства жителей Барбаджи окружающий мир, лежащий за пределами их области, а часто и населенного пункта, был чистейшей абстракцией, то деревня представляла для каждого жителя Барбаджи одновременно микро- и макрокосм. Изоляция этого локального мира усугублялась тем, что, как правило, с ближайшими деревнями отношения постоянно балансировали на грани конфликта, поскольку ключевым принципом деревенского мировосприятия был «кампанилизм», т.е. «взгляд с собственной колокольни» (от итал. «campanile» – колокольня), в силу которого все «не наше» воспринималось как «плохое»[7]. Негативизм в восприятии уроженцев других местностей по мере удаления от собственного местообитания, воспринимаемого как «центр Вселенной», возрастает, достигая своего апогея в отношениях с государством.

Традиционное сардинское (барбаричинское) общество зиждилось на ряде морально-этических приоритетов. Согласно одному из них, настоящий «homine» – «муж», «мужчина» – должен быть храбрым и доблестным, демонстрируя эти качества на деле (в смысловом отношении понятие «homine» предельно близко стоит к латинскому понятию «vir»).

Иначе говоря, «homine» должен быть наделен «balentia»[8] (от исп. «valiente» – дословно «тот, кто чего-то стоит» – удалой, храбрый, дерзкий).

Понятие «balentia» в его наиболее архаичном звучании раскрывается, в первую очередь, в контексте кражи скота, исторически представлявшей собой для скотоводческой (овцеводческой) Сардинии не только массовый типичный феномен, но и обычную форму регуляции индивидом своего имущественного положения и решения хозяйственных проблем[9]. Если, по народным представлениям, выращивание скота, уход за ним, выгон невозможны без хороших навыков, умения и упорства, то сохранение его от кражи, а в случае таковой – преследование похитителей в одиночку по горам и бой за возвращение стада требуют от мужчины «balentia», то есть иных, высших качеств – доблести, мужественности. В этой ситуации основной бедой для ограбленного оказывался не экономический ущерб, но потеря статуса «homine», утрата социального положения в сельском коллективе. Потерпевшему оставалось или удовольствоваться его новым положением, но тогда он превращался в парию, или реабилитировать себя, продемонстрировав, что и он может быть «balente», что достигалось совершением ответной кражи или актом мести.

Необходимо уточнить, как именно в Барбадже интерпретировалось воровство. Бытующая в Сардинии поговорка «Вор тот, кто приходит из-за моря» в полном виде выглядит следующим образом: «Вор тот, кто ворует у себя дома и кто приходит из-за моря» («Furat cine furat en domo e cine venit dae su mare»): грабители – это завоеватели, чужаки, либо те, кто подло тащат у своих, в том же селении. Последнее жесточайшим образом запрещалось[10] и каралось. Об этом свидетельствует присказка, распространенная в горных районах, – «В доме друга не веди себя дурно и не воруй» («In domo de s'amigu non factas male e non fures»). Совершенно иначе интерпретировалась кража, осуществленная где-либо за пределами своего коллектива – она не только не была преступлением, но, напротив, рассматривалась как решение экономических проблем ворующего и как повод для демонстрации его мужественности. Не случайно часто первая кража скота играла роль своеобразного обряда инициации для юношей Барбаджи[11].

Такой была среда, в которой в древнейшие времена сложился «Кодекс барбаричинской вендетты». В своей античной первооснове он строился на правовой регламентации социальных взаимоотношений, связанных исключительно с кражей скота, с которой и увязывалось понятие «balentia», и на апологии кровной мести как «платы» за преступления, подробный перечень которых он приводил. В дальнейшем «Кодекс…», оторвавшись от своей древнейшей базы, вследствие исторической эволюции, стал значительно шире трактовать понятие требующих мести преступлений. Таким образом, в своей более поздней редакции «Кодекс…» уже не исключительно, а лишь преимущественно увязывал «balentia» с кражей скота и выдвигал на первый план понятие «обиды», которое и давало термину «balentia» новое звучание.

Какие же преступления карались в Барбадже местью, в том числе и кровной? В отличие от многих регионов Средиземноморья, где одним из основных мотивов возникновения кровной мести рассматривалось унижение чести мужчины, связанное с посягательством на женщин его клана, в Сардинии понятие «преступление чести» трактовалось гораздо шире.

В первую очередь, мести заслуживала «обида», искупить которую потерпевший мог только через акт мщения, позволявшего ему восстановить свой социальный статус в глазах сообщества и локального коллектива – так гласит основное положение «Кодекса...». Согласно одному из основных этических постулатов, распространенных в Барбадже, тот, кто уклонялся от мщения, «ни на что не годился, не был мужчиной» (сард. – «no el bonu po nudda, no est homine»). Более того, личное бездействие потерпевшего, его инертность, пассивность провоцировали обидчика на новые оскорбительные действия: «Neddi feus ateras!» («Стоит добавить ему обид – он все равно неспособен реагировать»). До тех пор, пока сам оскорбленный не мстил за себя оскорбителю (или любому мужчине его рода), либо пока – в случае смерти потерпевшего или его недееспособности – за него не мстил кто-то из его мужского родственного окружения (при отсутствии мужчин в семье могли мстить женщины), оскорбление продолжало «сохранять силу» и считалось особенно тяжким, если оно

было нанесено при «отягчающих обстоятельствах», речь о которых пойдет ниже.

Но поскольку в Сардинии поведение индивида всегда было кланово-репрезентативным (человек не волен в своих действиях, он обязан помнить, что представляет лицо своего рода, в силу чего индивидуальность означает не свободу поведения, а способ и характер выражения «клановости»), то мщение и, соответственно, отказ от мести переставали быть личным делом и приобретали общественный резонанс; бездействие индивида предельно позорило в глазах сообщества весь «пассивный» клан, и неразрешенный «конфликт двоих» вовлекал в противоборство родовые анклавы, стоящие за каждым из конфликтующих. Это, в свою очередь, ставило под удар сохранение и без того хрупких мира и спокойствия в локальных коллективах, переходивших на режим затяжного внутридеревенского противостояния – «disamistade» (что переводится буквально как «бездружественность»), а также провоцировало открытые «войны» (сард. – «faida») между деревнями[12]. Таким образом месть парадоксальным образом фактически являлась средством поддержания равновесия и стабильности в деревенских коллективах и в таком качестве рассматривалась местным населением.

Согласно «Кодексу…», «обида» – понятие очень ёмкое[13]; «обидными» расценивались все действия или намерения, которые были вызваны стремлением оскорбить и предполагали нанесение оскорбления в виде морального, либо материального, также имевшего моральную сторону, урона. «Обидным» расценивался угон скота в следующих ситуациях: когда его осуществили с целью оскорбления потерпевшего; при краже в родной деревне; когда скот угонял человек, уже считавшийся врагом потерпевшего, или кто-то из близкого окружения последнего, а также с «наводки» представителя этого ближнего окружения. Кроме того, оскорбительными классифицировались: кража единственной молочной козы, коровы, овцы – «кормилицы» семьи; поджоги пастбища, загона для скота и др.; уничтожение стад; провокационное демонстративное нарушение границ территории того, кого намеревались оскорбить; клевета, порочащая честь и достоинство одного или нескольких человек; донос, независимо от того, вызван он желанием обогатиться или нанести вред его жертве (преступление считалось еще более тяжелым, если донос направляли не в судебные органы, а в правоохранительные, поскольку первые еще обращались в ряде случаев к локальным «третейским судам», тогда как вторые часто приводили приговор в исполнение «на месте», не разбираясь); разрыв помолвки, брачного соглашения, любого закрепленного соглашения или договоренности; нанесение морального или физического ущерба человеку, находящемуся под чужой крышей (в этом случае его «интересы представляет» и мстит за него семья, у которой он гостил); произнесение оскорбительных слов, демонстрация оскорбительных жестов, в целом совершение любого действия, направленного на оскорбление лица, которому они адресуются.

Особое место в разряде «тяжких обид» занимало лжесвидетельство, исходящее не от пострадавшей стороны и противоречащее ее интересам[14]: «коллаборационизм» приравнивался к доносительству и, наряду с ним, должен был оплачиваться кровью; шедшие на контакт с властями весьма рисковали жизнью, поскольку в сельских коллективах, не очень анализируя характер каждого отдельного случая этого сотрудничества, от «предателей» старались избавляться; слово «traidore» – «предатель», «доносчик», не утратив своей прежней смысловой нагрузки, относится и сегодня к числу одной из самых тяжелых инвектив в сардинском языке.

Наконец, самой главной «обидой» считались деяния, связанные с «кровью»: убийство, ранение, увечье[15]. Обстоятельства совершения преступления могли существенно усугублять тяжесть таких оскорблений, например, если нападал тот, кто уже «ходил во врагах» потрепевшего; нападением исподтишка, «со спины», на спящего, на ребенка, на женщину; одновременным совершением совокупности преступлений, например, если некто, спалив чужое пастбище, еще и «подло» стрелял в спину его владельцу.

При оценке степени и пределов мщения допускались, в зависимости от тяжести нанесенного оскорбления, различные его уровни, вплоть до кровной мести, к которой прибегали в случае «кровавой обиды», разрыва помолвки

и нарушения обещания жениться, доноса или лжесвидетельства в пользу официальных властей и по их заказу. Кроме того, кровная месть часто являлась результатом эскалации изначально незначительного конфликта, в основе которого лежала «небольшая» обида, но который, по мере своего разрастания, приводил постепенно к «крови». И если в большинстве случаев вендетта имела оговоренные временные сроки исполнения, кровная месть была не ограничена во времени.

Хотя в силу своей природы «Кодекс…» требовал разрешения конфликта «напрямую», на личностном уровне, один на один, без чьего-либо вмешательства[16], тем не менее локальная правовая практика допускала возможность посредничества в конфликтах в целях удержания сторон от «крови» (этот процесс по-сардински назывался «segare homines» – в буквальном переводе «разрезать, разделять мужчин (людей)» – что означало «рассекать противоречия»). Конфликтующие стороны прибегали к посредничеству третейского суда, так называемых «is homines bonos» («добрых людей»), число которых было обязательно нечетным: обе стороны могли апеллировать к одному или более посредникам (лишь бы их число с одной и другой стороны было одинаковым), плюс еще один «добрый муж» обязательно выбирался сверх того сообща.

Безоговорочно же как «Кодекс…», так и локальная правовая практика исключали из числа возможных участников конфликта «чужих». Весьма характерная в этом отношении барбаричинская формула гласит: «Лучше умереть, чем попасть в руки правосудия» («pro che rughere in manos de sa zusticia mezus mortu»), являющаяся по сути абсолютным принципом мышления и поведения жителя Барбаджи[17]. Если все же власти, пронюхав что-то, пытались дать ход делу и провести расследование, кончавшееся чаще всего ничем (молчали как противоборствующие стороны, так и свидетели), то локальные нормы предписывали переждать этот период. В тех случаях когда один из конфликтующих все же попадал в руки властей и судебный механизм приходил в движение, завершение спора откладывалось, иногда на годы, и требовалось, проявив терпение, дать завершиться «официальной части» событий, прежде чем вернуться к самостоятельному «вершению правосудия»[18].

Впрочем, необходимо отметить, что, несмотря на обязательность исполнения вендетты, существовали ситуации, в которых механизм кровной мести останавливался. Это происходило тогда, когда, на первый взгляд, «обидное» деяние совершалось по неведению (например, когда пастух из дальней деревни прогонял свои стада через чужую территорию, не зная, что он нарушил границы участков), либо вследствие обстоятельств. К мести также не прибегали, если «обидное» действие производилось либо психически неполноценным, либо заведомо глупым человеком. В таком случае потерпевшая сторона считала ниже своего достоинства «мараться», связываясь с обидчиком, «ронять» понятие мести. Кроме того, если оскорбительную акцию предпринимала женщина, то чаще всего к мести не прибегали, хотя в этих случаях считалось необходимым выяснить все обстоятельства дела (по чьему почину она действовала, что побудило ее так поступить и были ли у нее смягчающие вину обстоятельства и т.д.).

Очевидно, что столь широкое распространение практики обычного права, и, в первую очередь, кровной мести не могло не вызывать противоборства со стороны официальных представителей того или иного государства, в состав которого входила Сардиния, тем более что взаимоотношения, в том числе и правовые, традиционно существовавшие между населением Сардинии и любыми официальными, государственными инстанциями, в первую очередь, правоохранительными, до самого недавнего времени отличались предельной напряженностью, достигавшей апогея в Барбадже, где доходили порой до открытого противостояния.

Государство для сардинцев – символ, и символ одиозный. Наличие такого суждения у жителей Сардинии уходит корнями в глубь веков и подсказывается сардинцам их историческим опытом. Существование такого стереотипа восприятия подтверждают исследователи и в прошлом веке, и в 1950–1960-е гг., а об его актуальности в 1980-е гг. свидетельствуют результаты исследования, проводившегося автором данного сообщения[19].

Историческое бытование в Сардинии устойчивых стереотипов негативного восприятия населением государства в любых его проявлениях предопределяется, с одной стороны, тем фактом, что Сардиния, и особенно Барбаджа существовали, по словам Дж. Лиллиу, в состоянии «исторической анархии», в условиях «инсулярной изолированности» от внешнего мира[20]. Кроме того, Сардинии, как и большинству традиционных агропастушеских обществ, был присущ культурный консерватизм и неприятие любых инноваций. С другой стороны, следует учесть и то, что исторически государственность для сардинцев традиционно ассоциировалась с иноземными колонизациями острова, против которых его жители неизменно восставали, что, в свою очередь, заставляло завоевателей (греков, римлян, финикийцев, арабов, византийцев, испанцев) устанавливать на острове режим «повышенной карательности», только усиливавший психологический негативизм сардинцев в отношении всего приходящего «из-за моря».

Подобный радикализм островитян в отношении любого «чужого» вмешательства подпитывался и конкретно-историческими событиями, способствовавшими закреплению в морали и психологии сардинцев стереотипов неприятия власти. Так, например, взаимоотношения жителей острова с властями существенно обострил ряд государственных указов, принятых в XVIII–XIX вв. пьемонтским правительством.

Среди них особое место занимает так называемый «Эдикт об изгородях» (1820 г.). Согласно ему, частные лица получали право огораживать участки земли, ранее предназначавшиеся для свободного выпаса скота, и взимать с населения плату за пастбища. Тем самым наносился сокрушающий удар по традиционной системе жизнеобеспечения пастушества горных районов, но в не меньшей степени «Эдикт…» затрагивал и интересы равнинного крестьянства, поскольку посягал на общинные земли, окружавшие каждую деревню[21]. Принятие «Эдикта...» спровоцировало волну пастушеских и крестьянских выступлений в защиту своих прав, причем наиболее яростными эти столкновения с властями были в Барбадже. Эти выступления, известные в литературе под именем «сардинского бандитизма», усугубились после 1827 г., когда пьемонтцы, отменив древнюю «Карта де Логу» («Местную Хартию» – свод изданных в XVI в. законов, включавших и нормы обычного права), а, следовательно, посягнув на обычное право, по которому продолжало жить подавляющее большинство населения острова, заменили ее «Кодексом гражданских и уголовных законов королевства Сардиния»[22]. Данную акцию сопровождало увеличение на острове численного состава правительственных сил охраны правопорядка – полиции, карабинеров (с которыми в эпоху Пьемонта был слит и корпус Королевских охотников) и армии, а также развертывание карательных операций против мятежников, которые и получили у сардинцев название «Большой Охоты»[23]. В первую очередь, объектом этой политики выступали жители Барбаджи, где даже в середине XX в. представители правоохранительных органов сталкивались с почти абсолютным господством обычного права и массовым бытованием феномена «бандитизма» (термин «бандит», изначально применимый к тем, кто выступал против властей, власти стали постепенно распространять и на тех, кто на практике придерживался норм обычного права, в том числе и на всех пастухов). Таким образом, если «Эдикт...» способствовал офор-млению социальной силы – носительницы протеста, то законодательные изменения предельно поляризировали эту борьбу, довели ее до открытой и непримиримой конфронтации между сардинцами, самыми радикальными выразителями интересов которых были пастухи, и государством, окончательно превратившимся для аборигенов в устойчивый одиозный символ власти «чужих», конфликт с которой оборачивался для сардинцев смертью, лишением свободы, преследованиями конфликтующего и членов его семьи, необходимостью скрываться, часто десятилетиями, в горах, терпеть лишения, невзгоды, жить в одиночестве, подвергая риску домочадцев и односельчан.

При этом зачастую именно власти в лице своих силовых представителей на местах, представленных организованными, а главное – многочисленными вооруженными группами, которым было достаточно сложно противостоять, были ответственны за углубление пропасти между сардинцами и государством: убежденные в априорной поголовной винов-

ности аборигенов, «сильные мира сего» усердствовали в своей репрессивной политике, чем провоцировали рост числа уходящих «в бега». Часто начинали скрываться даже те, кто был просто на подозрении, или лица, замешанные лишь в мелких, не выходящих (или не слишком выходящих) за рамки официального закона деяниях.

Не привел к каким-либо качественным изменениям во взаимоотношениях сардинцев с государством и законом и переход острова под власть Италии в конце XIX в. Политика новых правителей лишь способствовала сохранению дистанции между жителями Сардинии и государственностью.

Поворотный момент в истории взаимоотношений Сардинии с внешним миром и, в частности, с государственностью, был ознаменован социально-экономическими преобразованиями, проводившимися итальянским правительством в 60–70-е гг. XX в. Невзирая на провал этой инициативы, данные преобразования, основанные, в первую очередь, на попытках индустриализации Сардинии, вкупе с развитием туризма, эмиграцией, широким распространением средств массовой информации[24] и рядом других факторов, привели к радикальным изменениям всего комплекса традиционной культуры. Сардиния была «сброшена с рельсов» своего естественного, исторически апробированного пути развития во всеми вытекающими отсюда далеко идущими экономическими и социо-культурными последствиями. Едва ли не впервые в своей истории Сардиния оказалась интегрированной в состав государства, фактически превратившись в одну из итальянских областей, что и предопределило массированность инновационного воздействия на многие аспекты традиционности и поистине глобальный характер их трансформации, а часто и замены инновативным инокультурным подобием. Это же, в свою очередь, облегчило и ускорило процессы дальнейшей интеграции или, по крайней мере, стирания традиционности и нивелировки самобытности сардинцев как особой общности. С постепенной утратой пастушеством своей роли превалирующей хозяйственной отрасли и прочими глобальными социоэкономическими изменениями, многие типично-пастушеские культурные явления и феномены, в частности, система норм обычного права, на первый взгляд, потеряли свою актуальность, исчезли с исторической арены.

С другой стороны, даже самые радикальные изменения, тем более продолжающиеся в столь короткий период времени, оказались не в состоянии до конца трансформировать многие культурные явления и затронуть сами основы жизни общества, в недавнем прошлом еще пребывавшего в традиционном состоянии. Об этом убедительно свидетельствуют реалии сегодняшней Сардинии: два десятилетия, отделяющие сегодняшний день от эпохи модернизации сардинского общества, в течение которых Сардиния как составная часть Италии не могла не почувствовать на себе паневропейские интеграционные процессы. Так, например, сегодня существенным стимулом для сохранения пастушества как традиционной хозяйственной отрасли Сардинии является экономическая политика Евросоюза, требующего появления на рынке экологически чистых продуктов и поощряющих автохтонное пищевое производство. Правда, следует учитывать, что пастушество получило этот стимул уже на стадии почти полного своего вырождения, вызванного претворявшейся ранее в жизнь на сардинской почве политикой итальянского правительства. И все же эти интеграционные процессы выявили и позволили убедиться в значительно бóльшей устойчивости многих позиций традиционной культуры в самых разных ее проявлениях, в первую очередь, тех сущностных, глубинных ценностей, которые в Сардинии всегда пребывали в некотором «подполье» и в силу этого сохранялись.

Последнее в полной мере относится к нормам обычного права. Как о том убедительно свидетельствуют статистические и фактологические данные итальянских правоохранительных органов, в Сардинии, в первую очередь в Барбадже, встречаются виды правонарушений, которые либо в целом не присущи другим областям Италии (как, например, месть, в том числе и кровная), либо встречаются, но значительно реже (кража скота, поджог пастбищ, поджог лесов, нанесение умышленного вреда имуществу и т.д.). Так, например, в 1986 г. в зоне Барбаджи были зафиксированы 15 эпизодов перестрелок, вследствие которых 5 человек погибли и 6 получили ра-

нения различной степени тяжести, имели место свыше 60 случаев кражи скота, 80 случаев поджога пастбищ или участков леса, 42 человека, разыскиваемые правоохранительными органами, числились «в бегах»; в 1999 г. было зафиксировано 23 эпизода «вооруженных столкновений», повлекших за собой ранения, увечья и смерти, а также 80 случаев кражи скота, 130 пожаров, вызванных умышленными поджогами, 29 человек разыскивались[25]. (Согласно неофициальным комментариям высокопоставленных чинов МВД Италии, «вооруженные столкновения» подразумевают случаи кровной мести, представляющей собой на сегодняшний день почти «эксклюзивно» сардинский вид правонарушения. Примечательно, что ни по одному из эпизодов мести делам не был дан ход ввиду того, что они и по сей день остаются открытыми «за отсутствием данных следствия». В целом по Сардинии, согласно официальным данным, традиционно-низким остается число дел, доходящих до суда, из-за «недоказанности состава преступления»[26]. Таким образом, речь идет о видах преступлений, которые традиционно были присущи Сардинии на всем протяжении ее истории, хотя ряд их показателей в наши дни претерпел изменения. Так, например, по мере усиления кризиса пастушества выросло число краж скота; кроме того, если традиционно красть «по мелочам» считалось в Барбадже позором, то в наши дни участились именно такого рода кражи, в ходе которых у владельца «уводят» не все стадо или большую часть его, а две–три головы скота[27].

Даже столь краткое описание правовой ситуации в Сардинии позволяет представить себе обстановку, служившую «фоном» проводившегося в 2001–2003 гг. исследования.

Ряд вопросов, которыми открывалась анкета, был посвящен такому ключевому для сардинской традиционной правовой системы понятию, как «обида», представляющему собой, как уже было сказано выше, краеугольный камень «Кодекса барбаричинской вендетты». Отвечая на вопросы о характере и сущности возможной обиды («Что входит лично для Вас в понятие “обиды”?»; «Каким образом Вам можно нанести “обиду”?» – вопросы №№ 9 и 16 анкеты – см. Приложение), 80 % опрошенных в ареале Барбаджи Мандролизай и Барбаджи Белви, вне зависимости от практикуемой в момент опроса деятельности, указали, что «обидой» для них является причинение им материального ущер-ба, причем подавляющее большинство подчеркнуло, что речь идет об уроне, связанном со скотом, – его порчей или кражей, но также понятие «обиды» соотносилось с традиционно-пастушескими проблемами – нарушением границ пастбища, проявлениями зависти со стороны других пастухов, нарушениями соглашений и т.д. Подобные ответы, данные не только пастухами, для которых эти проблемы являются насущными и актуальными, но и лицами других профессий (правда, бывших в прошлом пастухами либо происходивших из пастушеских семей), для которых такого рода «обиды» представляются несколько теоретическими и надуманными, служат доказательством того, что в сознании жителей Барбаджи правовые вопросы и в частности вопросы обычного права тесно связаны с пастушеской практикой и с духом пастушества.

Кроме этого, все опрошенные указывали, что «обидными» могут быть также факт предательства (80 % ответов), слова (70 % ответов), проявления зависти или угрозы (40 %), взгляды (50 %), интонации в разговоре (40 %), жесты и позы (30 %), – то есть давали ответы, вполне традиционные с точки зрения этических канонов Барбаджи. Наличие культурной преемственности в правовой сфере и сохранение традиционных этических взглядов доказывает совпадение ответов молодых респондентов (18–30 лет) с ответами пожилой возрастной группы (возраст самых старых представителей которой достигал 95–100 лет). Показательно, что большинство указывавших на возможную обидность слов подчеркивали, что речь идет не столько о прямых вербальных инвективах или даже просто словах, сколько о сопутствующих речи элементах, вызывающих, провоцирующих на конфликт интонациях или взглядах собеседника, его позах или жестах, нарушенной физической «дистанция безопасности», составляющих ту совокупность невербальных коммуникативных кодов, которые несут в себе большую социально-смысловую нагрузку, особенно в сфере этико-правовых отношений[28], и которые добавляют смысл словам, делая обидными даже самые на первый взгляд безобидные из них.

Отвечая на вопросы о потенциально-обидных жестах, действиях и поведении, респонденты, вне зависимости от возраста, указывали, что речь идет о любых жестах, выражающих угрозу, пренебрежение, желание оскорбить или унизить собеседника (например, демонстрация сжатой в кулак руки с поднятым средним пальцем, материализующей интернациональный по своему распространению грубый инвективный жест древнеримского происхождения; кукиш; указание в ходе разговора на собственные гениталии или демонстрация низа спины собеседнику и т.д.); обидными расценивались следующие действия: плевки под ноги собеседнику, «распускание рук» в ходе разговора, демонстративное игнорирование приветствия, взгляд поверх собеседника и т.д. Приводя примеры обидного в своем отношении поведения, респонденты рассказывали о следующих эпизодах: «меня оговорили», «обо мне (о моей семье) пускали слухи в деревне», «друг не позвал меня на праздник или вечеринку», «N раньше со мной дружил, а теперь разбогател (стал начальником) и загордился» и др.

Существенно отличались ответы респондентов из Оргозоло, где преобладающей социопрофессиональной группой населения, как уже говорилось выше, являются пастухи. Свыше 90 % респондентов из этой деревни, отвечая на вопросы о том, что составляет сущность «обиды» и о том, как она наносится, хотя и признавая потенциальную оскорбительность слов, жестов, поведения, все же соотносили эти понятия, в соответствии с традиционными канонами барбаричинского обычного права, преимущественно с сугубо пастушеским кругом проблем, связанных с пастбищами, скотом, пастушескими договорами и т.д. Так, например, один из респондентов, пастух 53 лет, заявил, что «настоящие мужчины не обращают внимания на мелочи – взгляды, слова, прочие женские глупости, а только на то, что может и должно задеть мужчину: на кражу скота, на поджог пастбищ, на донос в полицию».

Интересными оказались ответы на вопросы, касающиеся разграничения понятий «обиды» и «оскорбления», а также степени «обидности» того и другого (вопросы №№ 21 и 22). Подавляющее большинство опрошенных (82 %), вне зависимости от возраста, разделяли эти понятия, причем уточнялось (в соответствии с традиционными морально-этическими канонами Барбаджи), что под обидой чаще всего традиционно понимается преимущественно конкретное действие, призванное нанести материальный или моральный урон «обиженному» и приводящее к «тяжелым» последствиям, тогда как оскорбление носит более абстрактный, легкий и сиюминутный характер – оно чаще всего связано с вербальной или невербальной коммуникативной сферой. Также оговаривалось, что если «обида» всегда требует серьезных ответных действий, реакции, мщения, то к «оскорблению» можно отнестись и полегче, иной раз и проглотить его, либо и вовсе не заметить. Такое понимание обиды, хотя в достаточной степени парадоксальное и противоречащее интерпретации этого же понятия, содержащегося в приведенных выше ответах респондентов на 9-й и 16-й вопросы анкеты, на взгляд исследователей, достаточно значимо. Оно свидетельствует о том, насколько для респондентов, даже самых молодых, живучими оказались традиционные, унаследованные от старшего поколения этические представления. И если ответы на вопросы 9 и 16 отражают преимущественно реальную картину взаимоотношений в локальном коллективе, то ответы на 21 и 22 вопросы анкеты более значимы с точки зрения освещения степени консервации традиции в Барбадже и культурной преемственности.

В этом смысле показательными оказались ответы на вопрос: «Что стоит для Вас за понятием причиненного Вам “вреда”?» (вопрос № 24 анкеты). Все 100 % респондентов ассоциировали понятие «вреда» с материальным ущербом, преимущественно в пастушеском понимании, вне зависимости от профессиональной принадлежности респондентов. Кроме того, 78 % опрошенных ассоциировали понятие «вреда» с понятием «обиды» (так ответили 100 % респондентов из Дезуло и Оргозоло) и считали их идентичными, что, несомненно, свидетельствует об устойчивости традиционных стереотипов восприятия этих понятий.

Оценивая современную ситуацию в деревне Барбаджи с точки зрения конфликтогенности и отвечая на вопрос: «Бывают ли сегодня

случаи нанесения обиды или причинения вреда в вашей деревне?», все 100 % респондентов, вне зависимости от зоны исследования, сказали, что в наши дни количество обид не уменьшилось по сравнению с прошлым. При этом ряд респондентов (41 %), среди которых преобладали представители Дезуло и Оргозоло, считал, что характер обид не изменился, и к числу обид они отнесли традиционно те действия и поступки, которые провоцировали конфликты и раньше. Вторая группа респондентов (59 %) полагала, что изменения коснулись как количественных, так и качественных показателей «обид» – в наши дни не только возросло их число, но и несколько мутировал характер, поскольку сейчас обиду наносят не только «старым дедовским способом», но и «через» деньги, машину («моя лучше, чем твоя!»), служебное положение и профессионально-социальный статус, чего не было ранее. Бóль-шее качественное единообразие ответов наблюдалось при ответе на вторую часть этого же вопроса, касающуюся вреда. Так, свыше 80 % информаторов отметило, что если ранее понятие «вреда» в первую очередь ассоциировались с явлениями и категориями «пастушеского ряда», то сегодня «вред» может соотноситься с другими формами собственности – денежной, движимостью и недвижимостью и др.

Невооруженным взглядом видно, что подобные ответы находятся в очевидном противоречии с приводившимися выше ответами на сходные или параллельные вопросы; на взгляд исследователей, подобная противоречивость, не всегда осознаваемая респондентами, свидетельствует о противоборстве традиционности с инновационными тенденциями, характеризующим многие сферы сардинской культуры в широком смысле этого термина, в том числе и сферу сардинской ментальности.

Затрагивая тему «обиды», исследователи касались и такого ее аспекта, как степень тяжести обиды, зависящей, в частности, от того, кем она была нанесена. Практически все 100 % респондентов, отвечая на вопрос о степени тяжести нанесенной обиды и о соотношении ее с категорией лиц, которыми оно было нанесено (вопрос № 14 анкеты), подтвердили, что наиболее тяжело переживается обида, исходящая от родственников, знакомых и друзей, а также соседей и односельчан, то есть людей из ближнего окружения, тогда как обида, нанесенная чужими, посторонними лицами, не воспринимается таковой, совершенно «не затрагивает». Такой ответ воспринимается совершенно логичным в контексте традиционного видения мира, присущего жителям Барбаджи, когда семье придавалась огромная значимость, а в роли микро- и макрокосма выступал локальный коллектив, отделенный стеной «кампанилизма» от другого мира, и, в частности, от других деревень.

Не столь единодушно высказывались респонденты по поводу возможных различий традиционной, принятой во «времена дедов», и современной трактовки понятия «обиды» (вопрос № 18 анкеты). Мнения разделились: 30 % считали, что различий между тем, как раньше интрепретировалось понятие «обиды» и тем, как оно интерпретируется в наше время, нет, поскольку нет нарушения традиции, причем в основном такие ответы приводились в Оргозоло и в Дезуло (Барбаджа Мандролизай) – деревне, и сегодня сохраняющей особую приверженность к ревностному соблюдению норм обычного права. В то же время 70 % респондентов разделяли эти понятия, причем комментарии по поводу этой разницы приводились достаточно разноречивые. Так, многие считали, что «раньше к понятию обиды относились строже; обидчикам это не сходило с рук»; «сейчас народ измельчал, раньше люди были серьезней и обиды у них были крупнее, на мелочи никто не растрачивался». Но одновременно высказывались и критические суждения в отношении прошлого (так, например, в Аритцо было сказано следующее: «раньше обидчивость была обостренной, ссора вспыхивала из-за ничего, по малейшему поводу, сейчас люди рассудительней»).

На вопрос о реакции респондентов на обиду (вопрос № 20 анкеты) все 100 % информаторов привели более одного варианта ответа, но при этом весь массив респондентов был единодушен в своей готовности лично мстить обидчику, причем мотивировалось это в лучших этических традициях Барбаджи тем, что «настоящие мужчины обязаны мстить за обиду, иначе они не мужчины». Из всех респондентов 65 % предусматривали, помимо этого, необходимость немедленно отреагировать са-

мому либо отреагировать, но с отсрочкой во времени (большинство таких ответов было приведено в Оргозоло и в Дезуло, но и в других деревнях обеих Барбадж), а еще 20 % допускали также и возможность обращения за помощью к друзьям либо родственникам, чтобы с их помощью отплатить обидчику. Необходимо также отметить, что часть респондентов (13 %), подчеркивая свою мгновенную или отсроченную во времени личную готовность отомстить, допускали также вероятность затаить обиду в себе и никак не отреагировать; речь шла о тех случаях, когда обида исходила от людей, с которыми респонденты считали ниже своего достоинства связывать ся – глупых, умственно отсталых, не пользующихся в локальном коллективе уважением или обладающих низким социальным статусом. Так, например, уроженец Аритцо (Барбаджа Белви), 43 лет, рассказывая о задиристом жителе той же деревни, постоянно «цеплявшем» односельчан, сказал, что над ним только смеются и никто не принимает его всерьез настолько, чтобы с ним связываться, поскольку, по общему мнению, «что с него возьмешь – у него мать с карабинером гуляла!», что в контексте Барбаджи является двойным маркером социальной неполноценности обсуждаемого лица в глазах потерпевших: во-первых, ввиду обвинения матери в супружеской неверности, бросающей тень на всю семью, и, во-вторых, в силу обвинения матери (а следовательно – и всей семьи) в связи с наиболее одиозными, с точки зрения сардинцев, «существами» – представителями силовых структур государства. В Меана (Барбаджа Мандролизай) отказ связываться с обидчиком мотивировался тем, что последний был «хуже собаки – сдал мать в богадельню помирать», что для Сардинии, где семейные связи остаются по-прежнему необычайно крепкими и где старики пользуются особым уважением, звучит более чем кощунственно. В Тонара (Барбаджа Мандролизай) 25-летний респондент рассказал, что отказался от мести человеку, нанесшему ему серьезное оскорбление, потому что в деревне обидчик слыл «придурком», вследствие чего над мстителем все бы просто смеялись за то, что он связался с заведомым глупцом. Но как бы ни различались ответы респондентов, все опрошенные были единодушны в своем категорическом исключении возможности обращения в правоохранительные органы в случае нанесения обиды.

Не менее категоричным и единодушным было исключение всеми респондентами возможности обращения в правоохранительные органы в случае причинения им вреда (вопрос № 26 анкеты); также исключался вариант ответа, предусматривающий возможность проведения самостоятельного расследования по факту вреда и последующего обращения в полицию или к карабинерам. Все 100 % респондентов, вне зависимости от зоны исследования, возраста и социопрофессиональной принадлежности, указали на месть в отношении виновника вреда как на единственный приемлемый вариант поведения (исключив при этом возможность причинения ему ответного вреда, поскольку действовать так было бы «не по-мужски»). Исследователи полагают, что подобное единодушие объясняется устойчивостью традиционных установок в отношении таких острых и болезненных в прошлом ситуаций, как кража или порча скота, поджог или потрава пастбищ и т.д., – устойчивостью, в свою очередь объясняющейся высокой степенью консервативности сардинского общества.

Особое место в анкете занимал ряд вопросов, касающихся «Кодекса барбаричинской вендетты» и в целом традиционной системы сардинского обычного права, его места как нормы правового мышления и поведения жителей Барбаджи, а также соотношения систем итальянской законодательной и местной правовой систем. Так, на вопрос, актуален ли и сегодня «Кодекс барбаричинской вендетты» (вопрос № 25), все без исключения респонденты дали положительный ответ, причем подтвердили сохранение его значимости как в целом, так и для них лично. Так, например, сотрудник мэрии деревни Атцара (Барбаджа Мандролизай), 45 лет, указал, что хотя до сего момента он лично не сталкивался в своей жизни с необходимостью осуществлять на практике нормы обычного права, содержащиеся в «Кодексе…», он считает, что в любую минуту эта необходимость может назреть, и тогда в случае конфликта он будет опираться именно на них, а не на итальянские законы, абсолютно «бесполезные» в контексте Барбаджи и Сардинии.

Точно также и все без исключения респонденты (100 %) указали, что итальянское законодательство не устраивает их как правовая норма жизни (вопрос № 32); в отношении этой системы наиболее распространенными высказываниями были: «Она (система – *Авт.*) сделана для них, не для нас, мы – другие, у нас другие традиции», а также: «Итальянцы приходят к нам со своими законами, чтобы подавить и подчинить нас». Как показали дополнительные беседы и расспросы, сопровождавшие анкетирование респондентов, негативное отношение к итальянскому законодательству было продиктовано преимущественно тем фактом, что оно воспринималось сардинцами как «чужое», поскольку лишь часть информаторов указывала на удовлетворительное (35 %) или хорошее (15 %) фактическое знание итальянских законов, тогда как остальные признавались в полном их незнании, а также в нежелании их знать.

Отвечая на вопрос: «Существует ли сегодня, на Ваш взгляд, в Сардинии своя локальная правовая система, отличная от государственной?», весь массив опрошенных единодушно признал наличие в Сардинии такой системы, причем как в историческом прошлом, так и в наше время. Более того, не менее единодушно (100 % ответов) респонденты утверждали, что особая правовая система существовала в прошлом, существует и сегодня в Барбадже, причем подчеркивалось, что речь идет о локальной и наиболее древней модификации общесардинской правовой системы, ее первичной матрице, ее первооснове, обладающей столь ярко выраженной спецификой, что это превращает ее даже в контексте Сардинии в качественно самостоятельное и самобытное явление. Так, отличительными ее чертами считались, в частности: бóльшая архаика этой правовой системы, бóльшая степень сохранения «чистоты» положений «Кодекса…», чем в целом по Сардинии; более ревностное соблюдение норм обычного права; важнейшая роль, которая в контексте этой системы играла кровная месть; значительное меньшее допущение и соблюдение в повседневной жизни норм «чужого» (официального) права, и т.д.

Все без исключения респонденты исключали и возможность слияния государственного (итальянского) и локального (барбаричинского обычного) права, нивелируя таким образом вероятность принятия и бытования в Барбадже так называемого «местного права», что лишний раз подтвердило их негативные позиции в отношении официальной правовой системы и достижения возможных компромиссов с государством.

Целый ряд вопросов анкеты был посвящен кровной мести, представляющей собой «стержневое понятие» обычного права в Сардинии и «Кодекса барбаричинской вендетты», ее месту и роли в повседневной жизни сегодняшней Барбаджи. В первую очередь исследователи ставили своей задачей выяснение того, что стоит для респондентов за понятием «кровной мести»? Подавляющее большинство (98 %) охарактеризовали ее положительно, видя в ней средство защиты чести и достоинства индивида и его семьи, действенный механизм разрешения конфликтных ситуаций, осуществления правосудия и поддержания миропорядка и спокойствия, способ подтверждения мужественности того, кто ее осуществляет, доказательство того, что мститель не дает себя в обиду. Всего 2 % респондентов отнеслось к институту кровной мести более скептически, назвав ее «жестоким» и «устаревшим» способом разрешения споров, но оговорив при этом, что она является хотя и вынужденным, но по-прежнему необходимым средством самозащиты, поскольку в условиях Барбаджи (и шире – Сардинии) других законов нет, а «итальянское право здесь не действует». Следует отметить, что в возрастном отношении это меньшинство было представлено респондентами из самой «молодой» группы, а в социопрофессиональном – сельской интеллигенцией и служащими – учителями, врачами, сотрудниками мэрии.

В целом признание возможности применения в наши дни кровной мести (вопрос № 29) было практически единодушным (99 %); более того, отвечая на «проверочный» вопрос («В какой степени, на Ваш взгляд, система кровной мести сохранилась сегодня?») (вопрос № 49 анкеты), респонденты в своем большинстве (80 %) настаивали на полном сохранении этого института и на его бытовании в той же степени, что и ранее, в традиционном обществе Барбаджи. Любопытен один момент – при всем признании положительности

роли, которую кровная месть и сегодня продолжает играть в жизни Барбаджи, уроженцы каждой деревни утверждали, что «в полной мере» кровная месть сохранилась не в рамках их локального коллектива – они-де всегда были «не кровожадными»; единственное исключение составляли респонденты из Оргозоло и Дезуло, наоборот, с гордостью утверждавшие, что именно в их родных деревнях, в отличие от других населенных пунктов Барбаджи, кровная месть и в прошлом, и сегодня сохранялась в «чистом виде» и «в полном объеме».

Также не опровергая факта бытования кровной мести, остальные 20 % информаторов все же утверждали, что применяется она сегодня несколько меньше, чем в прошлом; что она пребывает в латентном состоянии и ее необходимо сравнивать с «дремлющим вулканом», готовым пробудиться в любую минуту; ряд респондентов из этой группы констатировал «убывание» роли этого института с определенным сожалением, комментируя это так, что «и сегодня у нас есть множество поводов применять кровную месть не менее, чем раньше, да люди измельчали, кишка у них тонка».

А вот в отношении поводов сегодняшнего потенциального обращения к кровной мести мнения разделились. Подавляющее большинство (95 %) считало, что «кровь зовет кровь» (сард.– «samine tzerria samine») – то есть что кровью непременно должны оплачиваться «кровавые деяния»: убийства, ранения, покушения на жизнь, преступления против женщин и детей (при этом респонденты подчеркивали, что хотя последний вид правонарушений достаточно нов, он не был свойственен для традиционной Сардинии и редко встречается сегодня в Барбадже, он тем не менее заслуживает применения такой традиционной «формы платы», как кровная месть). Вместе в тем 80 % всего массива опрошенных полагало, что кровной местью должны наказываться не только «кровавые деяния», но и другие тяжелые формы «обиды», причем в качестве таковых подавляющее большинство респондентов этой группы, вне зависимости от своей профессиональной деятельности, указывало на традиционные в «пастушеском» понимании преступные деяния, например, на кражу скота, особенно, если она совершена не в силу экономической необходимости, а исходя из злого умысла в отношении потерпевшего. Так, респондент-пастух 67 лет из Аритцо (Барбаджа Белви) сообщил исследовательской группе: «Кровью надо карать того, кто пролил кровь, но и того, кто совершил кражу стада, чтобы разорить или назло». Сельскохозяйственный рабочий 24 лет из Белви (Барбаджа Белви) указал, что кровная месть должна применяться не только по отношению к убийце, но и к тому, кто нанес сильный экономический урон. Учитель – уроженец Оргозоло, 33 лет, сказал, что кровная месть должна служить ответом не только на убийство или насилие, но и причиненный экономический ущерб, уточнив, что под последним понимается кража скота, порча или поджог пастбищ, отравление кормов, разорение овчарен и т.д. Респондент из Атцара (Барбаджа Мандролизай), ранее пастух, а ныне сотрудник мэрии, 28 лет, сказал, что применять кровную месть нужно в ряде случаев, в том числе и тогда, когда, «воруя овец, человека хотят погубить, – тогда убивать надо безжалостно».

Весьма показателен тот факт, что 99 % респондентов, вне зависимости от возрастной и социопрофессиональной принадлежности, уровня образования и прочих факторов, а также от отношения к институту кровной мести и оценок степени его бытования сегодня в Барбадже, признало для себя возможным и обязательным в случае необходимости обращаться к кровной мести как средству самозащиты и «крайнему средству» разрешения конфликтов.

В непосредственной связи с темой кровной мести находится и такая тема, как уход в маккью, то есть в горы, традиционно возникавшая в Барбадже в случае эскалации кровной мести или конфликта с правоохранительными органами. Следует сразу отметить, что и сегодня в ряде населенных пунктов Барбаджи, в первую очередь в Оргозоло и Дезуло, есть лица, официально числящиеся в розыске, и число их достаточно высоко. Местонахождение этих «беглецов от закона», именуемых в соответствии с местной традицией «ilbanniu» (сард. – «бандитами»), тем не менее хорошо известно местным жителям, традиционно оказывающим таким лицам поддержку. Анкета содержала ряд вопросов, освещающих разные грани проблемы ухода в горы. Так, например, на во-

прос: «Как Вы считаете, актуален ли сегодня уход в маккью?», подавляющее большинство респондентов (95 %) высказалось положительно, подчеркнув при этом, что всецело находится на стороне того, кто вынужден принимать подобное решение. Все 100 % респондентов расценили «подлым» и «неэтичным» информирование полиции или карабинеров о местонахождении того, кто скрывается от властей (вопрос: «Считаете ли Вы этичным информировать правоохранительные органы о местонахождении лица, разыскиваемого правоохранительными органами, в частности, ушедшего в маккью?»). Правда, далеко не столь категоричным и единодушным было мнение информаторов по поводу позиции, занимаемой в отношении того, кто скрывается вследствие преступления, совершенного против женщин или детей. Кто-то считал, что такого «зверя» надо «сдавать» властям, чтобы он не натворил пущего зла (35 %), другие полагали, что его необходимо ликвидировать либо своими руками, либо руками властей (30 %).

Ответы на вышеупомянутые вопросы, касающиеся в целом кровной мести и ухода в «подполье», очень тесно перекликаются с ответами респондентов на другую группу вопросов, посвященную традиционно болезненной для Барбаджи проблеме взаимоотношений местного населения с правоохранительными органами. Этот аспект правового существования жителей Барбаджи уже затрагивался выше, в контексте анализа возможной реакции респондентов на обиду или на причиненный им вред, но он выступал и в роли самостоятельного объекта повышенного интереса исследователей.

Следует сразу отметить, что позиция респондентов по данному вопросу отличалась определенной противоречивостью, объясняющейся, на взгляд исследовательской группы, борьбой традиций с инновациями, характеризующей в целом различные аспекты жизни в Барбадже, в том числе и этико-правовую сферу.

Так, на вопрос: «Можно ли, на Ваш взгляд, сотрудничать с официальным правосудием?», практически все 100 % респондентов дали отрицательный ответ, мотивируя занятую позицию тем, что это было бы аморальным и выходило бы за пределы «устоев».

Но мнения по поводу возможности обращения в правоохранительные органы за помощью (что в традиционном контексте было равноценно любой другой форме сотрудничества с властями) разделились. Так, на вопрос: «Считаете ли Вы возможным для себя обратиться за помощью в правоохранительные органы?» большинство респондентов (75 %) отвечали отрицательно. Все же следует учитывать, что среди отвечавших таким образом подавляющее большинство было представлено пастухами, если исходить из социопрофессиональной градации респондентов, то есть «хранителями традиции» в контексте Барбаджи, и людьми преклонного возраста, если рассматривать весь массив ренспондентов с точки зрения их возрастной принадлежности, убежденными противниками любой формы коллаборационизма с властями.

Категорическое отрицание какой-либо для себя возможности обращения в правоохранительные органы («ни при каких условиях!») отвечавшие мотивировали тем, что подобное действие постыдно («настоящий мужчина решает свои проблемы самостоятельно»), символизирует предательство традиции («никто никогда в Барбадже не шел на контакт с властями») и к тому же лишено практического смысла, поскольку «их законы писаны для них» и в Сардинии они «не работают». Последнее утверждение получает дополнительное подтверждение в свете ответов информаторов на вопрос: «Как Вы считаете, может ли государство (итальянские законы, полиция, карабинеры) защитить Вас в случае необходимости?». Практически весь массив опрошенных (99 %) отвечал на этот вопрос отрицательно, считая итальянскую правовую систему неэффективной в условиях Сардинии (Барбаджи), во-первых, в силу своей предельной удаленности от местных реалий, и во-вторых, в силу заведомой «антисардинской» предвзятости как государственных законов, так и их официальных представителей и исполнителей на местах.

Как уже было сказано, вторая группа респондентов допускала для себя теоретическую возможность обращения за помощью в правоохранительные органы, хотя и признавала, что подобное действие является совершенно нетипичным для Барбаджи и свидетельствует о нарушении традиций и мутации прежних морально-этических стандартов поведения. (Сле-

дует отметить, что ни один из высказывавшихся подобным образом не был встречен исследователями ни в Оргозоло, ни в Дезуло, респонденты в которых придерживались строго традиционных позиций в отношении возможных контактов с властями). Правда, говоря о тех ситуациях, в которых, по мнению информаторов, такое обращение могло бы быть необходимым и целесообразным, и тех причинах, которые, на их взгляд, его бы оправдывали, респонденты приводили достаточно общие, абстрактные, а главное – отстраненные примеры, которые не обнаруживали никакой логической связи с самими респондентами и тем менее увязывались бы с их даже гипотетической потребностью в помощи правоохранительных органов (данный факт легко выявлялся в свете дополнительных вопросов, задаваемых исследователями и признавался сами респондентами).

Так, например, говорилось, что полицию и карабинеров необходимо призывать в случае «нетипичных» для Барбаджи преступлений, например, преступлений против женщин (изнасилование, разбойные нападения) или детей (70 % голосов этой группы респондентов); такое обращение оправдано, когда нет других путей остановить уже «стартовавшую» кровную месть или эскалацию конфликта (50 %), когда человек вольно или невольно становится свидетелем серьезного преступления (13 %), когда пострадавший от обиды не находит в себе силы и смелости мстить (6 %) и даже в случаях кражи скота (2 %) (правда, следует подчеркнуть, что последнее утверждение высказывалось представителями самой юной возрастной группы опрошенных).

Вместе с тем, в том случае, когда респонденты сталкивались с проблемой нравственной оценки поведения кого-то другого (знакомого, родственника, односельчанина, уроженца острова), обратившегося за помощью в правоохранительные органы (вопрос: «Как Вы расцениваете факт обращения Вашего знакомого, родственника, односельчанина, уроженца острова за помощью в правоохранительные органы?»), весь массив информаторов, вне зависимости от разделения на какие-либо группы, высказывался резко категорично и единодушно в отношении тех, кто, по их мнению, нарушил традицию. При этом 70 % респондентов приводили все три варианта негативных оценок поведения «коллаборациониста», видя в его действиях «измену традиции» и характеризуя такое поведение как «недостойное мужчины» и «постыдное»; 20 % приводили две из таких нелестных характеристик и 10 % ограничивались одним вариантом негативного ответа.

Анализ этих ответов делал для исследователей очевидным факт, что сохранение традиционно негативных установок в отношении тех, кто, нарушая традицию, идет на контакт с властями, соблюдается респондентами в полной мере в тех случаях, когда в такой ситуации оказывается «кто-то другой», и в меньшей степени тогда, когда в роли потерпевшего или нуждающегося в помощи оказывается сам респондент. Таким образом, критический импульс оказывается сильнее самокритического.

В завершение анализа возможности сотрудничества жителей Барбаджи с правоохранительными органами следует еще раз вспомнить, что все респонденты, как уже отмечалось выше, считали неэтичным информировать полицию и карабинеров о местонахождении разыскиваемого ими лица, но лишь в том случае, если данное лицо не было замешано в преступлениях против женщин или детей. В противном случае часть информаторов (37 %) считала контакт с властями для себя приемлемым и необходимым, хотя подобное действие и расценивалось ими как вынужденное.

В связи с последним следует отметить, что заключительные вопросы анкеты (см. Приложение) были связаны с темой нанесения «обиды» женщинам, и реакции самих потерпевших, а также членов их семей, на обиду, оскорбление, нападение в прошлом и настоящем. Все опрошенные (100 %) подтверждали, что в прошлом имелись случаи нанесения «обиды» женщинам, но уточняли, что такие эпизоды относились к числу очень редких. Также уточнялось, что для традиционной Сардинии практически не был известен феномен изнасилования или открытого сексуального домогательства женщины, либо разбойного нападения на нее, влекущего за собой причинение ей физических травм (в расчет не берутся внутрисемейные «разборки», в ходе которых не было редкостью мужское рукоприкладство, хотя в целом в Сардинии физическое «воздействие» на женщин встречалось

значительно реже, чем в других регионах Средиземноморья ввиду достаточно высокого статуса женщин).

Одной из наиболее распространенных форм «обиды», наносимой женщине мужчиной, была вербальная; гораздо реже встречалась такая тяжелая и болезненная форма оскорб-ления, как расторжение помолвки или отказ жениться, за которую карали кровной местью, особенно если она усугублялась отягчающими обстоятельствами, например, совращением невесты, ее беременностью. Интересы женщин традиционно представляли и защищали мужчины ее клана, хотя при критических обстоятельствах, например, когда семья лишалась своего главы и мужчин в целом, женщинам Барбаджи было свойственно брать на себя ряд мужских поведенческих функций с полным признанием таких ролевых метаморфоз сельским коллективом. Сохраненное фольклором Барбаджи выражение «женщина с волосатым сердцем» («fimmi-na de coro piludu») имело в виду отнюдь не «бой-бабу», а женщину, которой в экстремальных ситуациях приходилось, подобно мужчине, брать на себя заботу о содержании семьи. Но при этом «coro piludu» означало не только «волосатое» («мужское») сердце, но и сердце, «отравленное ненавистью, ядом», что в контексте Барбаджи подразумевало то, что женщина при необходимости могла – и должна была – осуществлять кровную месть, защищать честь семьи, свою честь, вступаться за отдельных ее представителей, как это сделал бы мужчина. Женщина должна была самостоятельно вершить правосудие и тогда, когда, по мнению ее клана, она была ответственна за позор, который навлекла на семью. Именно поэтому достаточно распространенными в прошлом были случаи, когда соблазненная женихом и оставленная им девушка мстила ему самостоятельно, не прибегая к помощи мужчин из родственного клана. Если она оставалась беременной, подобные акты отмщения несколько «реабилитировали» ее в глазах местного сообщества и «смывали» с нее «позор».

Говоря о сегодняшнем дне, подавляющее большинство респондентов (82 %), вне зависимости от возраста и социопрофессиональной принадлежности, отмечали, что словесная «обида» в адрес женщины потеряла свою «значимость» («женщины больше не реагируют на слова, они их не обижают») и что расторжение помолвок утратило былой социальный вес и перестало интерпретироваться как «обида» и самой женщиной и ее семейным кланом. Кроме того, по утверждению ряда респондентов (48 %), женщина сегодня чаще и легче, чем раньше, становится объектом различных «обид», вплоть до разбойного нападения и убийства, поскольку «ее больше не защищает традиция». Высказывалось мнение (57 %), что женщины сегодня в значительно большей степени проявляют способность защитить себя самостоятельно (83 %), а также, что они не в пример прошлому сами часто провоцируют конфликты, жертвами которых становятся как сами, так и мужчины их клана (60 %), что факт добрачного сожительства, а также расторжения этих отношений вне зависимости от наличия ребенка перестал интерпретироваться как «шокирующий» в контексте Барбаджи, и, соответственно, утратил свою «обидность» (50 %).

* * *

Оценка результатов проведенного исследования позволяет сделать краткие итоговые выводы.

Высокая степень сохранности института обычного права в Сардинии, и, в частности, в Барбадже подтверждается объективными фактами – как уже говорилось выше, Барбаджа, согласно официальной статистике, лидирует как в масштабах Италии, так и в контексте Сардинии по числу правонарушений, относимых представителями итальянских правоохранительных органов к числу «традиционных»[29].

Эти статистические и фактические показатели подкрепляются и результатами опросов, полученными в ходе данного исследования, свидетельствующими о позиции местного населения в отношении норм обычного права, об оценке этих норм и месте, занимаемом ими в системе локальных морально-этических ценностей. Так, большинством респондентов, вне зависимости от возраста, уровня образования и социопрофессиональной принадлежности, четко разделялись итальянская и локальная правовые системы, причем единодушно выражалось негативное отношение к итальян-

скому законодательству как не соответствующему локальной действительности и запросам населения. Даже в рамках сардинской правовой системы в особую качественную категорию выделялся барбаричинский свод правовых норм как древний и адекватный местным реалиям, причем сохраняющий свою актуальность и в настоящее время. Данные ответы находятся в полном соответствии тому факту, что исторически в Сардинии так и не сложилось местное право как результат правового компромисса между итальянским и локальным законодательством, который мог бы оптимизировать отношения населения острова с представителями государства в правовой сфере.

Подавляющее большинство респондентов вполне традиционно интерпретировали такие понятия, как «обида», «оскорбление», «вред», «причиненный ущерб», придерживаясь преимущественно архаичной пастушеской правовой понятийной системы, зафиксированной в «Кодексе барбаричинской вендетты». Вместе с тем «данью современности» можно считать тот факт, что хотя в целом понятие «обиды» осталось неизменным для жителей Барбаджи, в связи с изменением во многом материально-экономических основ жизни, сферы «нанесения» обиды, особенно в ее материальной модификации, несколько изменились и оказались связанными с достаточно новыми для района формами собственности, такими, как деньги, ценные бумаги, автомобиль, дом и т.д.

Опросы показали, насколько важную, приоритетную роль продолжает играть в системе локальных поведенческих норм месть как ответ на конфликт или нанесенную обиду, а также насколько тесно мщение в контексте Барбаджи увязывается с понятием чести и достоинства индивида и представляемого им семейного клана. При этом подавляющее большинство респондентов, в полном соответствии с классическими канонами барбаричинского поведения, подчеркивало свою готовность мстить самостоятельно, не прибегая к чьей-то помощи. Неизменной осталась и способность «перешагнуть через обиду», если таковая наносилась людьми, по своим моральным, умственным, психическим и социальным качествам стоящим ниже обиженного или оцениваемым им негативно.

Удивительно монолитным и выдержанным в духе абсолютной традиционности оказалось и позитивное мнение респондентов в отношении института «кровной мести», и сегодня еще сохраняющего свою жизнеспособность в различных областях Барбаджи, в первую очередь, в таких очагах традиционной культуры, как, например, Оргозоло и Дезуло. Единодушно положительным была так-же позиция респондентов, занятая ими в отношении практики «ухода в маккью», воспринимаемой как средство разрешения конфликта, а также как следствие преследования властями лица, совершившего то или иное правонарушение.

Сохранение в целом духа традиционности в этико-правовой сфере подтверждалось, на взгляд исследователей, и ответами информаторов на вопросы, касающиеся взаимоотношений местного населения с представителями правоохранительных органов, поскольку, в соответствии с традиционными локаль-ными морально-этическими канонами, эти взаимоотношения всегда носили характер острой конфронтации. То, что и сегодня подавляющее большинство опрошенных негативно относится к возможному личному сотрудничеству с представителями правоохранительных органов, а также жестко осуждает факты подобного сотрудничества, достато-чно показательно с точки зрения сохранения целостности системы норм обычного права.

Вместе с тем тот факт, что определенный процент респондентов допускает для себя вероятность контактов с представителями правоохранительных органов в правовой сфере, хотя и в ситуациях, выходящих за рамки традиционных конфликтов (в частности, в случае совершения нетипичных и новых для Сардинии правонарушений, таких, как преступлений против женщин и детей), равно как и считает возможным информировать полицию и карабинеров о местонахождении лиц, совершивших эти преступления, и тем самым способствовать их поимке, заставляет говорить об абсолютно новых и нехарактерных для барбаричинского общества тенденциях. Не менее значимым в этом смысле является наличие в сегодняшней Барбадже респондентов, хотя и численно ограниченных, считающих целесообразным и возможным обращаться за помощью к правоохранительным органам в ситуа-

циях, которые, согласно традиционным меркам, являются «типичными» и в силу этого требуют личного участия потерпевшего. При этом сохранение традиционно-негативных установок в отношении тех, кто, нарушая традицию, идет на контакт с властями, соблюдается респондентами в полной мере в тех случаях, когда в такой ситуации оказывается «кто-то другой», и в меньшей степени тогда, когда в роли потерпевшего или нуждающегося в помощи оказывается сам респондент.

Новым и нетипичным для правовой барбаричинской традиционности явлением можно считать как появление преступлений, направленных против женщин, так и изменение ролевого поведения женщины, в том числе усиление автономизации ее правового поведения, возможностей самозащиты; кроме того, в наши дни женщина зачастую сама проявляет социальную агрессию, являясь самостоятельным источником обиды.

В целом проделанная работа позволяет исследователям считать, что сфера правовых отношений в Барбадже осталась в значительной степени незатронутой модернизационными процессами, охватившими традиционное сардинское общество в 60–70-е гг. XX в., в силу чего ее все еще отличает значительная консервативность и стабильная архаичность. Вместе с тем наличие инновационных тенденций заставляет говорить о начале разрушения монолитности пласта правовой традиционности, о чем свидетельствует мутация таких традиционных этико-правовых установок, как табуация сотрудничества с властями.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] *Meloni B.* Ricerche Locali. Comunità, economia, codici e regolazione sociale. CUEC. 1996. P. 18.

[2] *Lilliu G.* La costante resistenziale sarda. Cagliari. 1971. P. 34.

[3] «Кодекс барбаричинской вендетты» складывался как свод этико-правовых норм обычного права сардинцев в древнейшие время в пастушеской среде Барбаджи; в своей основной части «Кодекс…» был документально зафиксирован в XVI в., но полностью был оформлен в письменном виде лишь в конце XX в. исследователем сардинского обычного права А. Пильяру. См.: *Pigliaru A.* Il banditismo in Sardegna. La ven-detta barbaricina. Milano. 1975, а также: *Meloni B.* Op.cit.; *Pirastu I.* Il banditismo in Sardegna. Roma. 1973.

[4] *Lilliu G.* La costante... P. 37; Idem. Autonomia come resistenza. Cagliari. 1970. P. 18.

[5] *Meloni B.* Op. cit. P. 19.

[6] Ibidem. P. 14.

[7] *Pira M.* Op.cit. P. 59–65; см. также: *Meledov M.* Fattori psico-dinamici dell'antisocialità minorile: il comportamento violento nella cultura pastorale sarda. Cagliari: Rendiconti del Seminario della Facoltà di Scienza, 1979.

[8] Наиболее точное определение «balentia» приводит Г. Музио – цит. по: *Musio G.* La cultura solitaria. Introduzione e acculturazione nella Sardegna arcaica. Bologna, 1969. P. 59–79.

[9] *Musio G.* Op. cit. P. 68.

[10] *Pigliaru A.* Op. cit. P. 118; *Musio G.* Op. cit. P. 73; *Lilliu G.* La degradazione storica della società barbaricina // Autonomia cronache. 1968. N 2.

[11] *Farnè R.* La Sardegna che non vuole essere una colonia. Milano. 1975. P. 45–46; *Musio G.* Op. cit. P. 71–72, 76.

[12] *Pira M.* Sardegna tra due lingue. Cagliari. 1984. P. 52.

[13] *Pigliaru A.* Op. cit. P. 111–127.

[14] Ibid. P. 123.

[15] Ibid. P.124.

[16] Ibid. P.113.

[17] *Pira M.* Op.cit. P. 73; *Piglaru A.* Op.cit. P. 116.

[18] *Pigliaru A.* Op.cit. P.116.

[19] *Фаис О.Д.* Модернизация в Сардинии и этнокультурные трансформации. М., 2003. С. 124.

[20] *Lilliu G.* La costante resistenziale sarda. Cagliari. 1970. P. 31.

[21] *Salvi S.* Le nazioni proibite. Firenze, 1973. P. 571, 583; *Cossu A.* Sardegna e Corsica. Torino, 1932. P. 96–97; *Farnè R.* Op.cit. P. 56, 59; *Pirastu I.* Op. cit. P. 22–25; *Ortu G.G.* L'economia pastorale della Sardegna moderna.Cagliari, 1981. P. 23–24.

[22] *Farnè R.* Op. cit. P. 56.

[23] *Salvi S.* Op. cit. P. 570.

[24] *Anfossi A.* Op. cit. P. 306.

[25] Relazioni annuali sull'ordine e la sicurezza pubblica del Ministero degli Interni. Roma, 1986.

[26] Relazioni annuali sull'ordine e la sicurezza pubblica del Ministero degli Interni. Roma,1999.

[27] *Anfossi A.* Op. cit. P. 235.

[28] *Alacqua P.* Non siamo pazzi, siamo diversi. Normalità e deviazione nell'area Mediterranea. Studio medico-sociale e analisi culturologica. Palermo: Giuffrè ed., 1999. P. 114.

[29] *Meloni B.* Op. cit. P. 19.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Укажите, пожалуйста, о себе следующие сведения:

1. Пол:
   мужской 1
   женский 2
2. Ваш возраст:
   мне _____ лет.
3. Где Вы родились:
   я родился (-лась) в _____
4. Профессия Вашего отца на момент Вашего рождения:
   Мой отец был _____
5. Укажите, пожалуйста, уровень Вашего образования:
   неграмотный 1
   начальное образование 2
   среднее образование 3
   высшее образование 4
6. Кто Вы по профессии:
   Я_____
7. Сколько лет Вы уже заняты своей настоящей деятельностью:
   Я работаю _____ лет.
8. Меняли ли Вы работу, и, если да, то чем занимались ранее?
9. Каким образом Вам можно нанести обиду?
10. Какие слова Вы расцениваете обидными?
11. Какие действия Вы считаете обидными для себя?
12. Какие жесты Вы считаете обидными для себя?
13. Какие элементы поведения другого человека Вы считаете обидными для себя?
14. Какая обида выглядит для Вас более «обидной» – та, которая нанесена Вам:
   родственниками 1
   соседями или односельчанами 2
   жителями другой деревни 3
   знакомыми или друзьями 4
   чужаками 5
15. Какие намерения других людей, о которых Вам стало известно, Вы считаете обидными для себя?
16. Что входит лично для Вас в понятие «обиды»?
17. Существует ли некое универсальное понятие «обиды», общее как для Вас, так и для односельчан?
18. Как Вы считаете, отличается ли современное понятие «обиды» от прошлого, с которым сталкивались Ваши отцы и деды?
   да 1
   нет 2
   не знаю 3
19. Какие деяния, слова, жесты, поступки, намерения других людей задевают, по Вашему, Вашу честь?
20. Какова Ваша реакция на обиду:
   немедленно самому лично отреагировать 1
   затаиться и лично отреагировать позже 2
   затаить обиду в себе и никак не отреагировать 3
   лично отомстить обидчику 4
   обратиться за защитой в правоохранительные органы 5
   обратиться за помощью к друзья либо родственникам и с их помощью отплатить обидчику 6
   другое 7
21. Существует ли для Вас разница между понятиями «обиды» и «оскорбления»?
   да 1
   нет 2
   не знаю 3
22. Если да, то что стоит для Вас за каждым из этих понятий?
23. Отвечая лично на оскорбление, исходите ли Вы из собственных спонтанных эмоций, вызванных ситуацией, или действуете согласно каким-то устоявшимся нормам, стандартам поведения и сценарию ?

24. Что стоит для Вас за понятием причиненного Вам «вреда»?
25. Как Вы считаете, сохранил ли «Кодекс барбаричинской вендетты» свою актуальность и сегодня?
26. Как Вы реагируете на причинение Вам вреда:
    обращаетесь в правоохранительные органы 1
    самостоятельно проводите дознание, а в случае обнаружения лица или лиц, причинивших вред, сообщаете о них в правоохранительные органы 2
    мстите тем, кто нанес Вам вред 3
    ответно причиняете вред обидчику 4
    другое 5
27. Зависит ли характер Ваших действий в отношении обидчика от того, является ли он:
    Вашим родственником 1
    односельчанином 2
    происходит из другой деревни 3
    происходит из другой местности 4
28. Что стоит для Вас за понятием «кровной мести»?
29. Применима ли сегодня, на Ваш взгляд, кровная месть?
    да 1
    нет 2
    не знаю 3
30. Если да, то какие деяния следует оплачивать кровью?
31. Готовы ли Вы самостоятельно осуществить кровную месть в случае необходимости?
    да 1
    нет 2
    не знаю 3
32. Знакомы ли Вы с итальянским законодательством?
33. Устраивает ли оно Вас лично как правовая норма жизни?
34. Существует ли, на Ваш взгляд, сегодня в Сардинии своя локальная правовая система, отличная от государственной?
35. Если нет, то должна ли существовать?
36. Существует ли такая система в Барбадже?
37. Если нет, то должна ли существовать?
38. Как Вы считаете, допустим ли компромисс между итальянским и локальным правом?
39. Как часто Вы вступаете в конфликты?
    очень часто 1
    часто 2
    периодически 3
    редко 4
    никогда 5
40. Как часто Вам приходится участвовать в конфликтах?
    очень часто 1
    часто 2
    периодически 3
    редко 4
    никогда 5
41. В роли кого Вы чаще всего участвуете в конфликтах:
    в роли потерпевшего 1
    в роли оскорбляющего 2
    в роли свидетеля 3
    в роли участника 4
    в роли миротворца 5
42. С кем чаще всего возникают конфликты:
    с родственниками 1
    с соседями 2
    с односельчанами 3
    с жителями соседних деревень 4
    с жителями других деревень 5
    с горожанами 6
    с иностранцами 7
43. Бывают ли сегодня случаи нанесения обиды или причинения вреда в вашей деревне?

44. На какой почве в прошлом возникали конфликты?
45. На какой почве сегодня чаще всего возникают конфликты?
46. Бывала ли в прошлом женщина объектом оскорбления или обиды?
    да 1
    нет 2
    не знаю 3
47. Если да, кто в таком случае защищал ее интересы?
48. Бывает ли сегодня женщина объектом оскорбления или обиды?
    да 1
    нет 2
    не знаю 3
49. Кто в таком случае защищает ее интересы?
50. Может ли женщина самостоятельно разрешать конфликтную ситуацию, и, в частности, мстить за обиду?
    да 1
    нет 2
    не знаю 3
51. В какой степени, на Ваш взгляд, система кровной мести сохранилась сегодня?
52. Считаете ли возможным для себя обратиться за помощью в правоохранительные органы?
    да 1
    нет 2
53. Если да, то в каких ситуациях?
54. Если нет, то по каким причинам?
55. Как Вы считаете, может ли государство (итальянские законы, полиция, карабинеры) защитить Вас в случае необходимости?
56. Как Вы расцениваете факт обращения за помощью в правоохранительные органы Вашего знакомого, родственника, односельчанина, уроженца острова:
    как недостойный мужчины 1
    как положительный 2
    как измену традиции 3
    как постыдный 4
    как прогрессивный 5
57. Как Вы считаете, актуален ли сегодня уход в маккью?
    да 1
    нет 2
    не знаю 3
58. Существовали ли, на Ваш взгляд, ранее лица или институты, способные погасить конфликт и примирить конфликтующих?
    да 1
    нет 2
    не знаю 3
59. Существуют ли сегодня такие лица или институты?
    да 1
    нет 2
    не знаю 3
60. На Ваш взгляд, можно ли сотрудничать с официальным правосудием?
61. Если да, то как, при каких обстоятельствах и в какой мере?
62. Если нет, то по каким причинам?
63. Считаете ли Вы этичным информировать правоохранительные органы о местонахождении лица, разыскиваемого правоохранительными органами?
    да 1
    нет 2
    не знаю 3
64. Считаете ли Вы этичным информировать правоохранительные органы о местонахождении лица, разыскиваемого правоохранительными органами за преступления против женщин или детей?
    да 1
    нет 2
    не знаю 3